

*ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ ТРУДА
ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СУБЪЕКТА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке

The Humanities and Social Studies in the Far East

*PSYCHOLOGY OF SAFETY
OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT*

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF LABOUR

*PERSONAL FACTORS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY
OF THE SUBJECT OF ACTIVITY*

№ 3 (47) 2015

CONTENTS

EDITORIAL	10
-----------------	----

ARTICLES	11
----------------	----

PSYCHOLOGY OF SAFETY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

<i>Regoush L.A.</i> Options of Prevention of Crisis Situations in the Educational Environment	11
<i>Lazareva L.P.</i> Activity Qua Component of Safety in the Psychological Arsenal of Self-Development of a Teacher.....	15
<i>Maximova I.Ye.</i> Psychological Safety of the Educational Environment.....	19
<i>Laktionova A.I.</i> Impact of the Educational Environment on the Development of Social Adaptation and Viability of High School Students	24
<i>Lezhnina L.V.</i> Results of Modern Vocational Education: Competence, Competencies or Aptness for Activity	33
<i>Mayorova I.A., Gaponova S.A.</i> Options of Facilitating Psychologically Safe System of Training School Students	37

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF LABOUR

<i>Dikaya L.G.</i> Professional Burning-out and Safety of Labour in Socially Oriented Professions	43
<i>Lodde O.A.</i> Psychological Contents of Professional Activity of Specialists in Maintenance of Software Products (MSP)	53
<i>Revenko N.E.</i> Psychophysiological Maintenance of Professional Activity of Flight Operators (the Case Study of Air Traffic Controllers)	57
<i>Bakanov A.S., Zelenova M.E., Aldasheva A.A.</i> Cognitive Style Qua Factor of Efficiency of Labour in the Domain of Electronic Document Flow	61
<i>Dementieva E.V.</i> Psychological Aptness for Application and Use of Firearms as Factor of Psychological Safety of Officers of Drug Enforcement Units	67
<i>Amelina M.A., Nevstruyeva T.H.</i> Psychological Competence and Personal Qualities of the Investigator in the Context of the Problem of Psychological Safety	72
<i>Makhnach A.V.</i> Safety of Activity of the Foster Parent: Theoretical and Applied Aspects of the Professiographical Analysis	77
<i>Lukiyanova E.L., Ivanova T.V.</i> Mental Representation of Emergency Situations: Case Study of Cadets of Saint-Petersburg University of State Fire Service of Russian Ministry of Emergency Situations.....	83

PERSONAL FACTORS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY OF THE SUBJECT OF ACTIVITY

<i>Aldasheva A.A., Runets O.V.</i> Self-Trust of the Professional as a Marker of Psychological Safety of the Paramedic	89
<i>Kurapova I.A.</i> Machiavellianism Among Youngsters: Features of the Personality From the Perspective of Psychological Safety	98
<i>Shalaeva S.L.</i> Inter-Generational Dimension of National Security of Modern Russian Society	104

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ГРАНДИОЗНЫЙ И ВЕЛИЧЕСТВЕННО ПРЕКРАСНЫЙ КИТАЙ: ОБРАЗ КИТАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА СЕВЕРНОГО*

И.А. Дябкин

Дябкин Игорь Анатольевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Контактный адрес: igor-dyabkin@mail.ru

В статье рассматривается творчество писателя-эмигранта П.А. Северного, которое было неразрывно связано с культурой и литературой дальневосточного зарубежья. В работе показан образ традиционного Китая в произведениях «шанхайского периода» П. Северного. По мнению писателя, сохранение культурных корней, обычаев и традиций позволяет сохранить свои этнические корни.

Ключевые слова: Дальний Восток, Китай, китайцы, традиционная китайская культура, этнические традиции, дальневосточное зарубежье, эмиграция.

«Немец с русскою душой», один из самых издаваемых писателей «русского Китая», «ровесник века революций, мятежей и войн, судьба которого может послужить темой исторического романа» [3: с. 5] – так отзывались о творчестве Павла Северного дальневосточные писатели-эмигранты.

Творчество Павла Александровича Северного – отдельная страница в истории русского дальневосточного зарубежья. Несмотря на то, что в последнее десятилетие современные исследователи проявляют интерес к изучению жизненного и творческого пути писателя, несмотря на подвижническую роль живущего ныне сына писателя, Арсения Павловича Северного, в скрупулезном собирании библиографии, издании книг отца, сохранении и популяризации его творческого наследия, все же многие факты его биографии остаются загадками. «Многие сведения о жизненном и творческом пути писателя скудны и зачастую больше похожи на легенды <...> нет ни одной серьезной литературоведческой работы о его творчестве, нет даже его внятной биографии» [22: с. 7] – указывает Л.П. Черникова, одна из немногих исследователей творческого наследия писателя-эмигранта.

Более того, среди работ современных ученых доминируют работы, посвященные изучению поэтики произведений, изданных уже в СССР, по возвращении семьи писателя из Шанхая. Внимание отечественных исследователей направлено на выявление художественных особенностей темы России и ее исторического прошлого в творчестве П.А. Северного.

ного (романы «Ледяной смех» (1930–1975), трилогия «Сказания о Старом Урале» (1969–1974) и т. д.) [8: с. 7; 20: с. 144–157; 24: с. 10]. При этом образ Китая, «самой сказочной и чудесной страны Востока», по выражению самого автора, остается неизученным. Вероятно потому, что множество публикаций Северного на сегодняшний день безвозвратно утрачено. По свидетельству сына писателя, перу Павла Северного принадлежит 154 произведения, но издано около ста из них [17].

Цель нашего исследования заключается не в восстановлении «белых пятен» в этапах творческого пути Павла Северного, а в выявлении художественного своеобразия образа Китая в произведениях автора, написанных в эмигрантском периоде творчества: «Свечи монашеского обета» (1931), «Фарфоровый китаец качает головой» (1937), «Озеро голубой цапли» (1938), «Слезинка» (1941).

Павел Александрович Северный принадлежал к древнему дворянскому роду фон Ольбрих. Отец его, барон Александр Викентьевич фон Ольбрих, был потомком «русских немцев», ведущих свой род еще со времен Петра I, работал горным инженером в селе Верхний Уфалей, где 27 сентября 1900 г. родился будущий писатель.

Псевдоним «Северный» появился уже в эмиграции, в Харбине. Сам писатель, размышляя об истоках своего псевдонима, говорил, что в нем «слышится тоска по России, по Русскому Северу» (детство писателя прошло на берегах реки Косью, на Северном Урале). С. Аюпов в статье «Мила нам добра весть о нашей стороне: "Тургеневская сказка" Павла Северного» утверждает, ссылаясь на высказывание самого писателя, что исток псевдонима – «...стихи М.Ю. Лермонтова о тучках небесных, которые мчатся "с милого севера в сторону юж-

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)».

ную", в частности в тот самый "южный" Шанхай, где многие годы жил и творил писатель-изгнанник» [2: с. 129]. При этом первоисточник С. Аюповым, к сожалению, не указывается. Несмотря на это, псевдоним стал фамилией его будущей семьи. Любопытно, что сын писателя долгое время не знал о потомственных корнях своего отца: *«Сам я еще в детстве совершенно случайно узнал, что мой отец – барон. Как-то в Шанхае нас пригласили в гости на прием к французскому вице-консулу, его жена была русской, подругой мамы по юности. Тогда было не принято детей сажать за стол вместе со взрослыми. Дети не должны были знать, что делают и о чем говорят взрослые. Меня проводили в огромную библиотеку, где я случайно обнаружил книгу "Русские в Шанхае". Перелистывая страницы, внезапно увидел там фотографию отца, под ней, значит, сопроводительная надпись. До сих пор помню, как нелегко было броситься в соседнюю комнату с расспросами. Когда вернулся домой, я тут же выпалил: "Папа, ты что – барон?!". Родители очень испугались, зашикали на меня, попросили молчать и никому не говорить. Понятно – родители боялись всего: и белых, и красных. Боялись иногда не то, что слово сказать – не так посмотреть... Так я узнал о происхождении своего отца»* [18].

В 1903 г. семью барона А.В. фон Ольбриха переводят в г. Невьянск. Павел Александрович Северный получил достойное домашнее образование. С детства проявлял большой интерес к живописи, сам неплохо рисовал, любил слушать были о дремучих уральских лесах от местных жителей. Рассказы уральского старца Макара Свечкина впоследствии станут сюжетной основой книги «Топтыгин с Косьвы», написанной для детей и изданной в 1956 г. в Чкалове.

Во время Первой мировой войны П.А. Северный заканчивает гимназию в Перми и осенью 1916 г. добровольцем уходит на фронт. *«Это было не просто проявлением патриотизма, – укажет он в своей автобиографии, – я хотел доказать, что, будучи немцем, готов бороться с врагами России за веру, царя и Отечество. Революцию не принял. Был воспитан монархистом»* [11: с. 5]. Но революцию принял его отец, не единожды участвовавший в забастовках на заводе. Тем не менее отца с матерью расстреливают в 1919 г., а Павел Северный присоединяется к армии Колчака. Был ли лично знаком писатель с адмиралом А.В. Колчаком? Вопрос довольно спорный (по свидетельству Арсения Павловича, отец был знаком не только с легендарным адмиралом, но и с генералом М.К. Дитерихсом и князем Ананьевым). Затем принимает участие в знаменитом Ледяном походе, попадает в плен к большевикам, из которого в 1921 г. через Маньчжурию, бежит в Хар-

бин. Эти события своей жизни Павел Северный опишет в сборнике «Только мое, а может быть и ваше» (1924), в рассказе «Гимн» (1941), в романе «Ледяной смех» (1920–1975).

В Харбине П.А. Северный заявил о себе как драматург: в 1922 г. отдельным изданием выходит его пьеса «Смерть императора Николая II». Надо сказать, что интерес к театру и драматургии появился со времен Пермской гимназии, еще в дореволюционной России писатель работал драматическим актером в екатеринбургской труппе П.П. Медведева. Интерес к театру останется на всю жизнь. В Харбине, а затем и в Шанхае Северный проявит себя как талантливый актер. Имеющиеся сведения о «харбинском периоде» творчества Павла Северного достаточно скудны. Известно лишь, что он пробыл в Харбине около двенадцати лет, работал на КВЖД, выступал в качестве артиста антрепризных спектаклей, некоторое время участвовал в «Чураевке», опубликовал сборник рассказов «Только мое, а может быть и ваше» (1924), напечатал в первом и последнем выпуске литературно-художественного сборника «Багульник» рассказ «Свечи монашеского обета» (1931) [13].

Сын писателя утверждает, что отец не любил вспоминать о жизни в Харбине, тому виной – безработица и постоянная нужда. Позже, в рассказе «Письмо к сестре» (1935) он так опишет многонациональный Харбин: *«Да, я живу в Китае, в стране, о которой ты ничего не знаешь... Живу в большом городе... в свалке каменных ящиков живут люди. Они мучат друг друга различными чувствами, скалят от злости и зависти зубы, грызутся между собой и иногда даже загрызают»* [1: с. 9]. Арсений Павлович Северный, спустя полвека, вспоминает: *«Сегодня очень трудно понять нашу жизнь в Китае. О Харбине я ничего не помню, отец говорил о нем мало. Про Шанхай помню многое, но могу сказать одно – русская эмиграция была страшно не дружна, завистлива, распускала нелепые слухи, которые нелегко было опровергать, постоянные доносы. Вот в такой среде надо было существовать...»* [22: с. 68].

Тем не менее любовь к Китаю П. Северный пронес через всю жизнь. Россия и Китай стали духовными доминантами, неисчерпаемым источником сюжетов. *«Любовь к Китаю началась с Шанхая»* [10], – пишет А.П. Северный. На «шанхайский период» приходится расцвет творчества П.А. Северного. В Шанхай Северный отправился в 1932 г., после оккупации Маньчжурии японцами. Здесь, в 1935 г. он женится на Тамаре Александровне Купер, в родословной у которой были и китайцы, и американцы, она стала «музой» писателя, ей он посвятил роман «Косая Мадонна». В 1939 г. у них рождается сын Арсений. Большая часть его произ-

ведений была опубликована в Шанхае: «Косая Мадонна» (1937), «Тургеневская сказка» (1937), «Лэ-ди» (1938), «Озеро голубой цапли» (1938), «Черные лебеди» (1941), «Следи лаптей» (1943) и др. В Шанхае П.А. Северный становится участником литературного объединения «Понедельник» содружества ХЛМ, «Содружества русских работников искусств». Однако Северный недолго оставался в рядах литературных объединений – *«это не приносило плодов, – писал он, – поэтому творил по принципу Цветаевой – "ни с кем"»* [11: с. 19]. В середине 1930-х гг. Северный знакомится с Ф.И. Шаляпиным и А.Н. Вертинским (добавим в круг знакомств писателя Н.К. Рериха, Р. Тагора, Лу Синя, Линфон-Миня, М.А. Кичигина, М. Домрачева и др.).

Образ Китая в творчестве Павла Северного выступает как художественный и этнокультурный концепт. Источником для вдохновения писателя являлась китайская экзотика. Уже в конце жизненного пути Северный указывал в своей автобиографии: *«Годы, прожитые в стране, позволили узнать ее историю, быт населяющих народностей и всю схоластику конфуцианства, даосизма и буддизма, то есть весь мистический дурман религий, цепко державших разум страны в своей власти. Узнавалось все медленно, до многого приходилось додумываться из-за незнания языка со множеством провинциальных наречий. Меня особенно интересовало прошлое страны... Я старался захватить все, что было для меня необычным»* [11: с. 1]. Большую роль в познании тайн китайской культуры, быта и традиций китайцев сыграл его пеший поход из Харбина в Шанхай в 1932 г. «Необычное прошлое» Китая с его многовековыми традициями – становится главным объектом изображения автора в произведениях, вышедших в Шанхае в 1930–1940 гг.

Он обращается к изображению традиционной китайской культуры, поэтому нередко образ Китая у Северного облекается в идиллические описания. Хотя к концу 1920-х гг. Китай уже не был тем старозаветным, императорским Китаем. Страна была охвачена огнем революции. Для автора важным было показать те многовековые культурно-религиозные традиции, почитание которых помогает китайцам сохранить свою этничность. По предположению С. Аюпова, отчасти причиной этому были монархические взгляды писателя. Он был противником революционного терроризма, разрушающего любые многовековые традиции [2: с. 129]. Революционные потрясения в современном писателю Китае сопоставлялись им с горькой участью *«своей страны лихой»*, отсюда возникал образ *«сказочного и чудесного Китая»* как основы существования самобытной древнейшей культуры.

Подступом к образу «сказочного Китая» стал уже упомянутый рассказ «Свечи монашеского обе-

та» (1931). В единственном выпуске литературно-художественного сборника «Багульник» были опубликованы рассказы и очерки, объединенные темой Востока: «По Пекину» Вс.Н. Иванова, «Дела Чингизовы» В. Логинова, «Японские силуэты» Л. Астахова и др. В рассказе «Свечи монашеского обета» писатель обращается к особой теме – описанию таинства посвящения буддийских монахов. *«Он любил подолгу бродить в храме, – говорит сын писателя, – смотреть на то, как китайцы молятся Будде... Однажды даже, посадив меня на дерево, из которого был виден храм, сам в небольшое отверстие в стене смотрел, как принимают в монахи»* [18]. Сюжет рассказа сводится к детальному описанию *«великого таинства отречения людей от мира»* [14: с. 292]. Религиозные традиции китайцев воспринимаются автором как органичные составляющие их жизни. В рассказе перед читателем предстает образ «мистической страны» Маньчжурии, завороченной январской метельной ночью, во время которой под звуки набата совершается древний религиозный обряд: *«В огромном зале главного храма в эти часы совершалось великое таинство отречения людей от мира. Таинство бронзовой религии. В полумраке, сизом от чада сандаловых свечей, скупо поблескивали блики на величавом изображении Грядущего Будды»* [14: с. 292].

Надо сказать, что уже в данном рассказе проявляется особенная манера повествования автора: изображение культурно-религиозных традиций китайцев сопровождается детальными описаниями, просторными пейзажными зарисовками. Сюжетная линия при этом сведена к минимуму. Рассказ в прозе П.А. Северного теряет свою жанровую определенность. В жанровом отношении произведение П. Северного обладает характерными признаками рассказа-миниатюры¹: неразвитость сюжетной линии, отсутствие традиционных композиционных элементов, особое построение хронотопа («сжат до одномоментности, до масштабов точки»). С другой стороны, рассказ обладает жанрообразующими чертами очерка (ослабленный сюжет, «описание с натуры единичных явлений действительности, ос-

¹ Под лирической миниатюрой понимается «литературный термин, заимствованный из живописи. В живописи означает исполненную красками небольших размеров картинку, книжную заставку, концовку и т. п. По аналогии с произведениями живописи, термин «миниатюра» применяется и к произведениям художественного слова: как и в живописи, первой характеризующей чертой миниатюры – литературного произведения служат ее небольшие размеры: 5–10 страниц. По форме соответствует известному в отечественной литературе жанру стихотворений в прозе». Под «рассказом-миниатюрой» понимается «разновидность жанра миниатюры, для которого характерен совершенно неразвитый сюжет, отсутствие традиционных завязок, развязок и т.п.». [4: с. 443].

мысленных автором в их типичности», лирико-философский пафос и т. д.) [2: с. 223].

Только в последней части рассказа дан событийный план: автором детально воспроизводятся муки буддийских монахов, которые, преодолевая нестерпимую боль от огня, пытаются стать достойными Будды: *«И только трое оказались достойными приблизиться к Будде, только трое вынесли испытание: свечи догорели и погасли на их головах, по их лицам струилась кровь, кожа на лбах вспухла от ожогов»* [14: с. 293].

В повести «Фарфоровый китаец качает головой» (1937) эпически-фабульное начало выступает на передний план. Источником сюжета послужили китайские легенды и предания о священном жителе тайги – «Великом Ване» [6: с. 336–343; 7: с. 119–139; 19: с. 511–512], а также социокультурная атмосфера эмигрантского Шанхая середины 1930-х гг.: *«Шанхай был в Китае городом сказочных возможностей, но надо было знать Шанхай! Тут требовалась своя, шанхайская сноровка! <...> Здесь пользовалось уважением только то, что сохранило свое национальное лицо <...> Но нужно, чтобы это лицо знало себе цену, хранило на себе печать национальной гордости»* [23: с. 52]. П. Северный рисует уникальный образ «желтого Вавилона». Читатель погружается в атмосферу средневекового Китая с его многовековыми традициями: *«Жизнь народа шла здесь, как несколько веков тому назад, когда Китаем правили династии императоров. Не менялась жизнь. Отсутствие больших дорог, удаленность от промышленных городов, глушь горных лесов не манила к себе ласточек цивилизации и новой послереволюционной жизни Китая. Здесь жизнь народа всецело зависела от доброты природы»* [23: с. 52].

По сюжету, в результате авиакатастрофы, в Шанхае оказываются два американца – авиатор Гордон и репортер Дороти, для которой пребывание в многонациональном Шанхае становится этапом на пути к осуществлению ее «американской мечты». Герои являются носителями типичных черт западно-европейской ментальности, они воспринимают Китай как «удивительную страну», в которой «первобытность сохранила еще свои следы» [16: с. 43]. Так, Дороти испытывает мистический страх перед статуей Будды, «глаза которого загадочно улыбались сумеркам». Магистральной темой лирических отступлений является описание буддийского храма – воплощения «божественных сил природы».

Пожилой китаец Лин, получивший образование в Европе, почитает исконные традиции китайцев. Он считает, что *«жизнь Китая должна идти вперед, совершенствоваться и улучшаться, но народ должен достигать своего благополучия, не теряя своей самобытности»* [16: с. 35], поэтому он вы-

ступает противником тех, кто разрушает *«грандиозный и величественно прекрасный Китай прошлых столетий»*, уничтожая древности, «сдирая со стен древних храмов редчайшие мудрости и заменяя их надписями из кодексов новых политических идей, <...> рекламой мыла и сигарет» [16: с. 35]. При этом он не является противником Запада, для него важно сохранить свои этнические корни, а возможно это лишь через почитание религиозно-культурных традиций древности.

Обращение к детальным пейзажным зарисовкам позволяет автору создать образ *«грандиозного и величественно прекрасного»* Шанхая, живущего вопреки революционным событиям. Образ экзотического Китая для П. Северного является благоприятным фоном, на котором оживают сюжеты древних китайских легенд: история о статуэтке фарфорового китайца и его верного хранителя – тигрицы подтверждает мистические верования старого китайца Лина, убежденного, что в статуэтку «знатного мандарина», сделанную в России, переселилась душа его первой возлюбленной – русской красавицы Ксении. После ее смерти даосский монах, посетивший Лина, принес ему маленького тигренка: *«По его словам, всесильный Будда явился к нему ночью в сопровождении тигрицы, которая по повелению божества в пасти принесла к порогу убогой кельи своего детеныша. Будда приказал ему отнести тигренка в дом. Фанатично верующий монах уверял меня, что в теле тигренка живет душа умершей женщины. Согласно воле Будды, в течение пяти лет нога ни одной женщины не смеет переступить порог моего дома. Покидая меня, монах приказал не нарушать всесильной божественной воли, сказав также, что в случае насильственной смерти тигрицы мою жизнь на каждом шагу будет подстерегать смерть...»* [16: с. 61]. По иронии судьбы, влюбленная в Лина китаянка Сюнь-хуа из ревности пытается разбить статуэтку. В схватке с разъяренной тигрицей погибают и Сюнь-хуа, и священное животное, остается жить лишь фарфоровая статуетка китайца-мандарина.

Схожим в сюжетно-тематическом и композиционном плане является повесть «Озеро голубой цапли» (1938). Писатель вновь обращается к тем мифологемам, которые являются основами традиционной китайской ментальности, а многие из них до сих пор живы в сознании современных китайцев – это почитание Священных мест, культ императора [5: с. 521–523], культ природы [9: с. 39–51], «сыновней почтительности», почитание мудрости и др. И вновь основная сюжетная линия – повествование об уединенной жизни старого маршала Шун-чен-чанга на острове около священного «озера голубой цапли» и буддийского монастыря «Лестница млечного пути» – ретушируется детальными зарисовка-

ми экзотической китайской природы. Столь частые пейзажные зарисовки в прозе П.А. Северного продиктованы передачей особого медитативного, мифопоэтического отношения китайцев к природе.

При этом стоит упомянуть, что сам писатель не только любил живопись и дружил со многими русскими художниками в Китае, но и прекрасно рисовал сам. Во время своего путешествия по Маньчжурии писатель постоянно делал «зарисовки с натуры», изображал быт и традиции китайцев в технике миниатюр и вообще увлекался искусством «тунцао чжи» – миниатюрой на лубе [21]. *«У П. Северного есть наблюдательность, есть любовь к красоте, заставляющая его подчас "перерисовывать" свои ярко-выписанные картины, – говорил о П.А. Северном Н.К. Рерих, – его творчество вообще – это рисование»* [23: с. 55]. Лирические отступления автора на тему пейзажных зарисовок действительно напоминают китайские миниатюры. Каждое из описаний строится автором как отдельная картинка, как живописное статичное изображение действительности: *«В легендах говорилось, что озеро священо. <...> Озеро в стране древних легенд, и в некоторых из них о нем рассказано много таинственных небылиц. <...> На одном из берегов, там, где скалы близко подступают к воде отвесной кручей, стоят пагоды буддийского монастыря – "Лестница млечного пути"»* [12: с. 116–117].

Именно среди такого экзотического пейзажа расположилось поместье Шун-чен-чанга, который *«пережил многих друзей и соратников ушедшего императорского периода <...> Страну ведут сейчас к свету незнакомые ему вожжи»* [12: с. 121], а он вернулся в свое поместье, как в колыбель. Здесь для него время остановилось. Жизнь старого маршала в поместье описывается автором как постоянное возвращение в средневековое прошлое. Образ дворца Шун-чен-чанга – символ императорского Китая: зал этого дворца, окутанный дымкой опиума, *«помнил улыбки четырех веков», «на стенах развешаны уникалы редчайших панно с изображением мудреца Шун-Лао», на столах – «вазы из старинного бледно-розового фарфора», «на одной из стен висит портрет Ли-хун-чанга»* [12: с. 121] и т. д. Не случайно в это древнем поместье оживают средневековые сюжеты: наказание своей возлюбленной и заточение ее в башню, примирение с сыном Ченом и его семьей.

Другой образ – образ «каменного Шанхая» писатель изобразил в рассказе «Слезинка». Это одно из немногих произведений «шанхайского периода», в котором Северный обращается к изображению суровых будней многонационального Шанхая. Уже в самом начале рассказа читатель видит современного писателю Шанхай 1930-х гг. XX в.: *«Август. Нестерпимо душная ночь. Воздух неподвижен. Ка-*

менный Шанхай, накалённый солнцем, влажной испариной душил всё живое, мечтавшее только свободно дышать...» [15: с. 128]. Героиней рассказа является русская эмигрантка Надя Сухина, которая работает партнершей для танцев в ночном кабаре, чтобы прокормить свою пятилетнюю дочь Люсю: *«Приманкой бара для его успеха были молодые, красивые партнёрши для танцев всех национальностей, но самыми красивыми среди них, по общему признанию, были русские и полукровки»* [12: с. 122]. Однако в жизни несчастной девушки случается горе: сильно заболевает дочь. Мир для Нади, и без того омрачающийся тяжестью бытия, становится невыносимым. Для героини настают тяжёлые часы ожидания. Она надеется, что злой недуг отойдёт, но этого не происходит. В конце рассказа Надя засыпает рядом со спящим ребёнком, а проснувшись, обнаруживает дочь мёртвой: *«наклонилась к ребёнку, заметила его синеватую бледность, головка девочки неудобно закинулась назад, в ямочке правого глаза крупная капля слезинки»* [15: с. 128]. В незамысловатом сюжете писатель отразил типичную историю жизни одной из русских беженок, волею судьбы оказавшейся в эмигрантском Шанхае. Однако данный рассказ является, пожалуй, единственным произведением, в котором нет изображения древних культурных традиций китайцев, пейзажных зарисовок китайской природы и китайских храмов.

Таким образом, художественное своеобразие Китая в прозе П.А. Северного заключается в создании автором идиллического образа Китая как *«грандиозной и величественной», «сказочной и чудесной страны»*, сохранившей очарование и экзотику древности и противостоящей всем историческим катаклизмам. Такой образ Китая, безусловно, не соответствовал исторической действительности страны тех лет, но в прозе Северного он выступает как этнокультурный концепт. Согласно писателю только в сохранении исконных культурно-религиозных традиций и обычаев возможно не потерять свою этничность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов, А. О творчестве Павла Северного. Штрихи к портрету / А. Агафонов // Северный П.А. Ледяной смех. – М. – Подольск : Академия-XXI. – С. 9.
1. Аюпов, С. «Мила нам добра весть о нашей стороне»: «Тургеневская сказка» Павла Северного / С. Аюпов // Бельские просторы. – 2013. – № 10. – С. 129.
3. <Б.п. >На «Понедельнике» // Шанхайская заря. – 7 февраля. – 1934. – С. 5.
4. Дынник В. Миниатюра / В. Дынник // Литературная энциклопедия : словарь литературных терминов. В 2 т. Т. 1. А-П; под ред. Н. Бродского [и др.]. – М.-Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – С. 443.
5. Забияко, А.П. Китайцев древних религия / А.П. Забияко // Энциклопедия религий ; под ред. А.П. Забияко,

А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М. : Академический проект, 2008 – С. 521–523.

6. *Забияко, А.А.* Женьшень, тигр, священные места: мифологемы дальневосточного фронта в творчестве писателей-эмигрантов / А.А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах.; под ред А.П. Забияко. – Вып. 9. – Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2010. – С. 336–343.

7. *Забияко, А.А.* «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.) / А.А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах ; под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Вып. 10. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2010. – С. 119–139.

8. *Капитонова, Н.* Открытие Северного / Н. Капитонова // Пенсионёр. – Челябинск. – 2013. – 18 декабря. – С. 7.

9. *Ли, Иннань* Китайцы и природа : о некоторых особенностях китайской ментальности / Ли Иннань // Россия и Китай на дальневосточных рубежах ; под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Вып. 10. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2010. – С. 39–51.

10. Переписка с А.П. Северным от 23.02.2015 // Личный архив И.А. Дябкина.

11. *Северный, П.А.* Автобиография / П.А. Северный // Личный архив А.П. Северного.

12. *Северный, П.А.* Озеро голубой цапли / П.А. Северный // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Проза. В 3 ч. Ч. 3. Р–Я ; сост., общ. ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2013. – С. 116–127.

13. *Северный, П.А.* Свечи монашеского обета / П.А. Северный // Багульник. – Харбин, 1931. – С. 34–37.

14. *Северный, П.А.* Свечи монашеского обета / П.А. Северный // Подольский альманах. – 2008. – № 12. – С. 292.

15. *Северный П.А.* Слезинка / П.А. Северный // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т.1. Проза. В 3 ч. Ч. 3. Р–Я ; сост., общ. ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2013. – С. 128–132.

16. *Северный, П.А.* Фарфоровый китаец качает головой / П.А. Северный. – Шанхай, 1937. – С. 43.

17. Стенограмма беседы Дябкина И.А. с Арсением Павловичем Северным от 29.10.2014 // Фоноархив источниковедческой лаборатории Амурского государственного университета «Центр изучения дальневосточной эмиграции».

18. Стенограмма беседы И.А. Дябкина с Арсением Павловичем Северным от 19.02.2015 // Фоноархив источниковедческой лаборатории Амурского государственного университета «Центр изучения дальневосточной эмиграции».

19. *Топоров, В.Н.* Тигр / В.Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия. Т. 2. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 511–512.

20. *Федоров, П.И.* Символы веры барона П.А. фон Ольбриха / П.И. Федоров // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2010. – № 23. – С. 144–157.

21. *Цишинская, Е.А.* Общество и государство в Китае : XXXLII научная конференция: к 100-летию со дня рождения Л.И. Думана / Е.А. Цишинская // Институт востоковедения ; сост. и отв. ред. С.И. Блюмхен. – М. : Восточная литература, 2007. – 352 с.

22. *Черникова, Л.П.* Мост в прошлое везунчика-барона: (штрихи к портрету русского писателя Павла Северного / Л.П. Черникова. – Уфа : Вагант, 2011. – С. 7.

23. *Черникова, Л.П.* Мост в прошлое Павла Северного / Л.П. Черникова // Шире круг. – 2010. – № 6. – С. 51–55.

24. *Черных, В.* Дни писателя Северного в Уфалее / В. Черных // Уфалейский рабочий. – 2005. – 11 октября. – С. 10.